

РАЗЫСКАНИЯ

DOI 10.37386/2305-4077-2024-2-128-136

Е. Н. Строганова¹

(Тверь)

«ХВАЛЕННЫЙ ВОЙНА И МИР ГР. Л. ТОЛСТОГО»: МНЕНИЯ И СОМНЕНИЯ Н. Д. ХВОЩИНСКОЙ

Статья посвящена вопросу о восприятии романа «Война и мир» писательницей Н. Д. Хвощинской (*В. Крестовский-псевдоним*). В ее статьях встречаются отдельные упоминания о Л. Н. Толстом, но о «Войне и мире» сохранились лишь непосредственные суждения в письмах 1868 г. к близкой подруге О. А. Новиковой. Обсуждая эти отзывы, необходимо учитывать, что речь идет не о публичном, а о приватном, в основе своей полемическом отклике. Суждения Хвощинской в основном касаются нескольких моментов: изображения вымышленных персонажей, натуралистичности толстовских описаний, авторской интенции и отношения Толстого к народу. Не все упреки писательницы справедливы, вместе с тем она, как художественно чуткий читатель, видит подробности, ускользавшие от внимания других современников Толстого.

Ключевые слова. Н. Д. Хвощинская, Л. Н. Толстой, «Война и мир», эпистолярные отзывы, критический взгляд, полемичность

E. N. Stroganova

(Tver)

“PRAISEED WAR AND PEACE GR. L. TOLSTOY”: OPINIONS AND DOUBTS OF N. D. KHVOSHCHINSKAYA

The article is devoted to the question of the perception of the novel “War and Peace” by N. D. Khvoshchinskaya (*V. Krestovsky-pseudonym*). In her articles there are isolated references to L. N. Tolstoy, but only direct judgments about “War and Peace” are preserved in letters of 1868 to her close friend O. A. Novikova. When discussing these reviews, it is necessary to take into account that we are not talking about a public, but a private, fundamentally polemical response. Khvoschinskaya’s judgments mainly concern several points: the depiction of fictional characters, the naturalism of Tolstoy’s descriptions, the author’s intentions and Tolstoy’s attitude towards the people. Not all of the writer’s reproaches are fair, but at the same time, as an artistically sensitive reader, she sees details that eluded the attention of Tolstoy’s other contemporaries.

Keywords. N. D. Khvoshchinskaya, L. N. Tolstoy, “War and Peace”, epistolary reviews, critical view, polemics

«Есть настоящий Крестовский (к сожалению, псевдоним) и есть псевдо Крестовский (Всеволод, к сожалению, не псевдоним)» [Салтыков-Щедрин, 1968, т. 6, с. 482] – так М. Е. Салтыков-Щедрин оценивал творчество двух своих современников.

¹ Евгения Нахимовна Строганова – доктор филологических наук, профессор; независимый исследователь; г. Тверь, enstroganova@yandex.ru.

менников – Надежды Хвоцинской, «к сожалению, псевдонима», и Всеволода Крестовского, «к сожалению, не псевдонима». Ироничное по отношению к Вс. Крестовскому высказывание Салтыкова дает представление о том, как воспринимали творчество Надежды Дмитриевны Хвоцинской ее современники. К этому следует добавить, что ее считали лучшей русской писательницей, а ее имя, вернее литературный псевдоним, занимал почетное место в ряду таких авторов, как И. С. Тургенев, А. Ф. Писемский, Салтыков...

Л. Толстой не был знаком с Хвоцинской, неизвестны и его отзывы о творчестве писательницы. В статьях же Хвоцинской встречаются отдельные упоминания о Толстом, но, кроме того, сохранились ее приватные суждения о романе «Война и мир», которые и легли в основу статьи. Это развернутые высказывания в письмах к близкой подруге О. А. Новиковой, урожденной Киреевой², которая была знакома с Толстым. Упоминания о Киреевой мы находим в дневнике Толстого 1857 г., где он перебирает московских красавиц: «Киреева не верит с радостью в Христа. Ей 17 лет» [Толстой, 1937, т. 47, с. 164]. Это дает основание полагать, что имя Толстого могло так или иначе возникать в разговорах Новиковой и Хвоцинской.

В четырех письмах Хвоцинской от 24 октября – 29 декабря 1868 г., о которых идет речь, содержится живой отклик на выходявший отдельным изданием роман Толстого. Этот растянувшийся на два месяца отзыв конкретизируется в ответ на реакцию адресатки, непосредственные эмоциональные оценки перерастают в подробное разъяснение своих эстетических позиций.

Для Хвоцинской, как и для многих других читателей, Толстой – это признанный «автор “Детства” и “Севастополя”»³ [РГАЛИ, ф. 345, оп. 1, ед. хр. 851, л. 283], талантливый писатель, силу которого современники видели в том, что он «умел выражать ту тонкость человеческого чувства, когда оно переходит в ощущение или когда вытекает из него. Много у него было прелестно» [РГАЛИ, ф. 345, оп. 1, ед. хр. 851, л. 294]. Эти слова Хвоцинской перекликаются с известным суждением Н. Г. Чернышевского: «Внимание графа Толстого более всего обращено на то, как одни чувства и мысли развиваются из других; ему интересно наблюдать, как чувство, непосредственно возникающее из данного положения или впечатления, подчиняясь влиянию воспоминаний и силе сочетаний, представляемых воображением, переходит в другие чувства...» [Чернышевский, 1947, т. 3, с. 422]. И в 1880-х гг. персонажи Хвоцинской с восторгом обсуждают сцену из «Детства», которая помнилась «сама собою»:

² Ольга Алексеевна Новикова (1840–1925), дочь признанной красавицы пушкинского времени А. В. Алябьевой (в замуж. Киреевой), в конце 1850-х – 1860-х гг. близко общалась с Хвоцинской. Их переписка служит важным источником для изучения житейской и творческой биографии писательницы. С конца 1860-х гг. Новикова подолгу жила в Лондоне, где имела репутацию «русского агента», так как благодаря своим связям в политическом мире стремилась влиять на отношение англичан к России. Писала публицистические статьи на английском и русском языках [см.: Дмитриев, Майорова, 1999, т. 4].

³ Здесь и далее письма Хвоцинской цитируются по материалам фонда писательницы, хранящегося в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ).

– Ах, прелесть, – вскричал я, – разве можно забыть! Сцена, когда дети подслушивают, как молится юродивый, оглядывает свою постель... “Боже, прости врагам моим”...

– Да, и кто-то кого-то щиплет, и стул валится, и подвертывается беленькая Катенька...

– Да, да... детство, намек страсти...» [В. К., 1878, с. 2].

Однако вернемся к «Войне и миру». Я приведу некоторые цитаты из писем Хвошинской по поводу «Войны и мира», но предварительно сделаю необходимое предуведомление.

Во-первых, надо учитывать, что речь идет не о критической статье, а о непосредственной, в основе своей полемической реакции, которая нуждается в объяснении. В статье, рассчитанной на публику, что-то было бы сказано иначе или не сказано вовсе.

Во-вторых, хочу подчеркнуть, что основу любых литературно-критических суждений или критики как таковой определяют не только идеологические критерии, но и устоявшиеся эстетические каноны, поэтому негативная или недоуменная реакция критика может ярче выявить оригинальность произведения. Так было с недоумениями критиков по поводу жанровых особенностей романа. Д. Д. Минаев в своем критическом отзыве о «Войне и мире» писал, что роман представляет собой набор сцен и повествований: «...все четыре тома решительно не представляют одного целого произведения» [Аноним, 1868, № 4, с. 204–205]. Напомню, что, отвечая критикам, сам Толстой затруднился поместить свое произведение в рамки определенного жанра: «Что такое *Война и мир*? Это не роман, еще менее поэма, еще менее историческая хроника. *Война и мир* есть то, что хотел и мог выразить автор в той форме, в которой оно выразилось» [Толстой, 1955, т. 16, с. 7]. Для Минаева же и других критиков, воспринимавших «Войну и мир» в романной парадигме, отступление от общеизвестного и общепринятого было несомненным минусом.

Что касается Хвошинской, то она ничего не пишет ни о жанре, ни об изображении исторических событий и личностей. Она пишет о вымышленных персонажах, в которых не видит живого начала: «...в “Войне и Мире” из *созданных* автором лиц нет ни одного человека: сплошь куклы, да еще не с телом, хоть бы деревянным или *papier-mâché*, а плоские, из бумажки вырезанные, на деревянной подставке, сзади некрашенные». Этот тезис аргументируется поведением героев в ходе военных действий: «Два капитальные сражения – Аустерлиц и Бородино. В первом один герой, Ростов, не зная сам о чем думает, все рыщет и кого-то ищет и, скача чуть не на палочке верхом, так и не берет в толк сражения до конца. Во втором шут гороховый Пьер сидит, сопит на батарее и также ничего не понимает. В обоих сражениях *le jeune premier*⁴ князь Андрей тоже где-то изволит блуждать мыслию, рассказывая себе небывальщину как младенец: “так

⁴ герой-любовник (*франц.*).

нарочно, будет то и то...», нюхает полынь – да ну и только <...> автор не дал никакой человеческой жизненности своим лицам, <...> не знает, что им в самом деле думалось, <...> не вложил в них ощущения и истинного сознания их положения» [РГАЛИ, ф. 345, оп. 1, ед. хр. 851, л. 294]. Сравним это высказывание с тем, что писал о «Войне и мире» Н. Д. Ахшарумов: «В его (Толстого. – Е. С.) аналитическом изображении человека все люди выходят у него одинаковы. Все они скроены на один покрой; все перед делом и между делом и после дела мечтают и фантазируют, а в решительную минуту или совсем теряются и становятся чисто пассивной игрушкой случая, или действуют под влиянием необузданного, слепого порыва, не обусловленного никакою постоянною складкою в их характере и в их образе мыслей, а потому тоже случайного» [Ахшарумов, 1989, с. 107]. Как видим, говоря об особенностях изображения героев, Хвоцинская не была одинока в своих претензиях. Впоследствии она назовет такой психологический прием «странными уклонениями мысли» [Куратов, 1880, № 55, с. 3] и заметит, что его используют все исторические романисты 1870-х гг. (имеются в виду Д. Л. Мордовцев, Е. П. Карнович, Н. И. Костомаров, Г. П. Данилевский, Е. А. Салиас), персонажи которых, попадая в затруднительное положение, «в то же мгновение уносятся в туманную даль, начинают мечтать, начинают вспоминать, – не обстоятельства своей жизни, а так, разные вздоры, чуть ли не палочки, на которых впервые ездили верхом⁵...» Этот прием, по ее мнению, демонстрировал неумение автора показать внутреннюю жизнь героя. Знаменательно, что в том же эссе Хвоцинская упоминает один из «Севастопольских рассказов» Толстого, где он описывает, «что кружится в мысли молодого человека, покуда около него разрывается граната, которою он убит», и противопоставляет Толстого современным историческим романистам: «...гр. Л. Толстой, испытавший Севастополь, мог и сам испытать эти содрогания, следовательно мог и описать их» [Н., 1880, № 161, с. 2].

В своем эпистолярном отзыве Хвоцинская рассматривает в одном ряду три эпизода: встречу Наташи с Анатолом в опере, купание солдат в пруду и сцену в лазарете. Она пишет: «Если он думает, что достигнет, когда напишет, где что воняет, или представит полную ложу, полный пруд, полный лазарет “голового” и “оголенного” мяса – то ведь это далеко не тонко и ничего не вызывает, кроме пожатия плечами у историка, а его “голая ложа” – просто поль-де-коковская мерзость на потеху старикам, которые до таких штук охотники». И далее: «...ни с одним мужчиной на свете не стану я читать вслух, как героиню Наташу разбирает бес потому только, что на нее “голую” глядит негодяй» [РГАЛИ, ф. 345, оп. 1, ед. хр. 851, л. 294–294 об.]. Упомянутые эпизоды сближает «телесность», физиологичность описаний, которая представляется критику слишком откровенной. Позже Хвоцинская писала о возвращении новой исторической беллетристики к «излишествам французской “неистойвой словесности”». По ее мнению, фран-

⁵ Этот образ Хвоцинская ранее использовала в эпистолярном отзыве, говоря о Николае Ростове.

цузские романтики злоупотребляли натуралистическими подробностями, отстаивая свободу творчества, реки же крови, проливаемые русскими романистами, не имели эстетических оснований и оказывались не более чем «поруганием искусства» [Н., 1880, № 161, с. 2]. То же самое несколько ранее она увидела и в романе Толстого. В эпизоде знакомства Наташи с Анатолом присутствует эротический элемент, который характеризует автора как «тайновидца плоти» [Мережковский, 1995, с. 140], но в описании ощущений, испытываемых героиней, Хвощинская увидела не более чем «поль-де-коковскую мерзость на потеху старикам».

Роман Толстого она не воспринимает как создание искусства, предполагая, что он написан на потребу читателей: «Вся эта книга, ее творчество, ее издание – дело торгаша, в нынешнем безлюдье пользующегося громогласностью своего имени, рассчитывающего на одну часть читателей (поумнее) заманчивостью выбранной эпохи, а на [нрзб.] – своими гольшами, пустопорожными описаниями охоты, святков, барышень...» [РГАЛИ, ф. 345, оп. 1, ед. хр. 851, л. 294 об.]. Это замечание несправедливо, оно абсолютно противоречит и истинным намерениям Толстого и тому творческому подъему, которым сопровождалась работа над «Войной и миром». О вдохновении, которым пронизан текст романа, пронизательно писал С. А. Рачинский, заметивший, что душа автора «спелась со всеми гармониями жизни, что в ней разрешаются ее диссонансы» [Рачинский, 1928, с. 215]. Предположу лишь, что одним из поводов для такого суждения могла послужить высокая цена книг, которая устанавливалась самим автором⁶.

Наконец, Хвощинская не увидела в романе уважения к народу и к народному чувству. Она считала, что Толстой стремился следовать модным веяниям времени: «...написал же он без всякой совести, что солдаты напакостили и навоняли, копая рвы. Это было нужно ему затем, что сейчас же вслед приносят образ Смоленской Одигитрии, – как же хоть косвенно, но не поглумиться! Ведь гр. Толстой не желает даже на исторической почве, рассказывая, что в армии был образ, – показаться отсталым от “нового умственного движения”. И показался совершенным глупцом: “умственное движение” не выражается *никогда* в мелком кощунстве; мыслящий человек уважает *народное* чувство; художник дорожит *всяким* горячим чувством как историческим, из которого может черпать» [РГАЛИ, ф. 345, оп. 1, ед. хр. 851, л. 294 об.– 295]. Вполне очевидно, что смысл соединения двух эпизодов истолкован неверно. Толстой никогда не стремился следовать современным тенденциям в угоду читателям, по складу характера он был, скорее, их ниспровергателем, чем приверженцем. Утверждение писательницы в финале процитированного пассажа не противоречит ни изображению народных сцен в романе, ни сопряжению отмеченных ею эпизодов.

⁶ Л. И. Соболев приводит суждения современников на этот счет. Так, газета «Голос» писала, что книга «расходится быстро, так что вскоре придется приступить ко второму изданию. Желательно, чтобы цена этого второго издания была более доступна для небогатых классов, а то теперь очень многие жалуются на дороговизну этого романа» [цит. по: Соболев, 2007, № 6, с. 182].

Вернемся к реплике Хвоцинской о том, что Толстой «...написал <...> без всякой совести, что солдаты напакостили и навоняли, копая рвы». В одной из рукописей третьего тома (т. III, ч. II, гл. XXI) действительно есть фраза, отсутствующая в печатном тексте: «Удушливо-противная человеческая вонь охватила Пьера, как только он подъехал к этому строящемуся ополченцами укреплению» [Литературное наследство, 1983, т. 94, с. 679]. В наборной рукописи сказано по-другому: Бородино «было все загромождено вонявшими и работавшими ополченцами» [цит. по: Зайденшнур, 1966, с. 303]. В опубликованном же варианте остались лишь отголоски просторечной грубости: пробегая мимо работающих ополченцев, офицер зажимает нос и говорит: «Ах, проклятые!» [Толстой, 1940, т. 11, с. 195]. Судя по всему, слишком явная вербальная резкость не устраивала самого Толстого. Однако ее элементы остаются в опубликованном тексте – это и отмечает писательница, которая не была знакома с рукописью, но почувствовала интенцию текста⁷.

Своеобразный итог замечаний Хвоцинской о романе Толстого сводится к следующему: «...нехудожественно это, неизящно, не имеет смысла, не рисует образа, не рисует века, характера, ни к чему не ведет!...» [РГАЛИ, ф. 345, оп. 1, ед. хр. 851, л. 297 об.]. С таким решительным выводом мы вряд ли согласимся. Однако нельзя не заметить, что некоторые замечания, так же как в случае с недомыслиями критиков по поводу жанра, отчетливее выявляют особенности романа, и прежде всего телесность изображения персонажей, на что другие критики не обратили внимания. Вместе с тем также очевидно, что эти суждения Хвоцинской по поводу телесности героев противоречат ее же тезису о кукольности толстовских персонажей.

Память о «Войне и мире» отозвалась в рассказе Хвоцинской «У фотографа», написанном в 1874 г. Сюжет его крайне прост. Главный герой Аяров оказывается в городе своей молодости, где не был 10 лет. Из рассказа Натали, девицы с претензиями на эмансипированность, но озабоченной поисками мужа, он узнает о судьбе двух некогда знакомых барышень. Оказывается, что избранник одной из них, Авдотьи Андреевны, клявшийся ей в любви, женился на ее кузине и наперснице Annette. Уже многие годы Авдотья Андреевна живет в семье Annette, всегда «с крючком, за пальцами, купает детей, варит варенье...». Annette же превратилась в «расплывшуюся, апатичную барыню, хозяйку, мать семейства», но Натали признает ее преимущество перед кузиной: «Знаете, в женщине, исполнившей свое назначение, в женщине-матери, есть что-то уже установившееся. Брюзжит, ревнует, но это все-таки проявление характера, это хоть что-нибудь.

⁷ Первое полное издание романа печаталось в шести томах, и интересующие нас сцены относятся к четвертому тому. Роман пользовался большим спросом, поэтому Толстой по выходе первых томов уже в 1868 г. начал выпускать второе издание. В 1-м издании том 4-й вышел в типографии А. Мамонтова [Война и Мир, 1868а], во 2-м – в типографии Т. Риса [Война и Мир, 1868б]. Эти издания печатались с одних гранок, в обоих представлен текст, который известен нам сегодня, т. е. слишком откровенная просторечная грубость сохранилась лишь в подготовительных вариантах.

Но та – девица!» [Крестовский В., 1892, с. 20]. В этих репликах не только использованы элементы характеристики Наташи Безуховой, но и повторяется толстовская мысль о назначении женщины. И буквально отсылая к «Войне и миру», Натали говорит о муже Annette: «Ему достались оба удивительные образца женщины: насадка и пустоцвет». Последнее слово акцентировано вопросом Аярова и комментарием собеседницы: «Ну да. Вполне верное определение подобных особ, и найдено давно <...> “Война и мир” – там. Совершенно верно. Невозмутимо, спокойно живет себе. Она – ничего, потому что ничем быть не может. Пустоцвет» [Крестовский В., 1892, с. 20]. Эти слова в устах антигероини напоминают авторское описание Сони в финале «Войны и мира»: «...казалось, что Соня не тяготится своим положением и совершенно примирилась с своим назначением *пустоцвета*. Она дорожила, казалось, не столько людьми, сколько всею семьей. Она, как кошка, прижилась не к людям, а к дому. Она ухаживала за старую графиней, ласкала и баловала детей, всегда была готова оказать те мелкие услуги, на которые она была способна...» [Толстой, 1940, т. 12, с. 260]. Толстой таким образом подтверждал интуитивную правоту Наташи, назвавшей Соню *пустоцветом* «...у нее отнимется и все отнялось» [Толстой, 1940, т. 12, с. 259]. И говорится об этом вполне равнодушно и спокойно. Но Хвоцинская совершенно иначе показывает героиню, чья судьба подобна Сониной. Глазами Аярова сочувственно дан портрет Авдотьи Андреевны, некогда красивой, но увядшей и печальной девушки. Реплики героя выявляют трагизм положения приживалки, вынужденной находиться рядом с предавшим ее человеком: «Нянчить его детей, а он тут, на глазах...» [Крестовский В., 1892, с. 20].

Так, памятью о «Войне и мире», вопреки собственному замечанию о том, что роман «не засел в душу всеми своими подробностями», Хвоцинская продолжила свою полемику с Толстым.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Аноним.** С Невского берега. Общественные и литературные заметки и размышления / Д. Д. Минаев // Дело. – 1868. – № 4. – С. 196–219.
2. **Ахшарумов, Н. Д.** «Война и мир». Сочинение гр. Л. Толстого. 1–4 части / Н. Д. Ахшарумов // Роман Л. Н. Толстого «Война и мир» в русской критике. – Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1989. – С. 86–115.
3. **В. К.** Литературные беседы. III / Н. Д. Хвоцинская // Русские ведомости. – 1878. – № 158. – С. 2.
4. **«Война и Мир».** Сочинение графа Л. Н. Толстого. Том четвертый. – Москва: Тип. А. И. Мамонтова, 1868. – 338 с.
5. **«Война и Мир».** Сочинение графа Л. Н. Толстого. Том четвертый. Издание второе. – Москва: Тип. Т. Рис, 1868. – 338 с.
6. **Дмитриев, В. Д.** Новикова / В. Д. Дмитриев, О. Е. Майорова // Русские писатели. 1800–1917: Биограф. словарь. Т. 4. – Москва: Большая Рос. энциклопедия, 1999. – С. 342–344.

7. Зайденшнур, Э. Е. «Война и мир» Л. Н. Толстого. Создание великой книги / Э. Е. Зайдеишнур. – Москва: Книга, 1966. – 404 с.

8. Крестовский, В. Собрание сочинений: в 5 т. / Н. Д. Хвошинская. Т. 5. – Санкт-Петербург: Изд. А. С. Суворина, 1892. – 452 с.

9. Куратов Николай. Литературно-семейное объяснение. Письмо кандидата Куратова к сестре / Н. Д. Хвошинская // Русские ведомости. – 1880. – № 55. – С. 3.

10. Литературное наследство. Т. 94. Первая завершённая редакция романа «Война и мир». – Москва: Наука. 1983 – 792 с.

11. Мережковский, Д. Толстой и Достоевский. Вечные спутники / Д. Мережковский. – Москва: Изд-во «Республика», 1995. – 624 с.

12. Н. Мемуары одного читателя. II // Русские ведомости. – 1880. – № 161. – С. 1–2.

13. Письма Толстого и к Толстому. Юбилейный сборник. – Москва; Ленинград: ГИХЛ, 1928. – 336 с.

14. Салтыков-Щедрин, М. Е. Собрание сочинений: в 20 т. Т. 6 / М. Е. Салтыков-Щедрин. – Москва: Художественная литература, 1968. – 740 с.

15. Соболев, Л. Современники читают «Войну и мир» / Л. Соболев // Вопросы литературы. – 2007. – № 6. – С. 179–224.

16. Толстой, Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Юб. изд. Т. 11 / Л. Н. Толстой. – Москва: ГИХЛ 1940. – 469 с.

17. Толстой, Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Юб. изд. Т. 12 / Л. Н. Толстой. – Москва: ГИХЛ, 1940. – 427 с.

18. Толстой, Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Юб. изд. Т. 16 / Л. Н. Толстой. – Москва: ГИХЛ, 1955. – 259 с.

19. Толстой, Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Юб. изд. Т. 47 / Л. Н. Толстой. – Москва: ГИХЛ, 1937. С. 164. – 621 с.

20. Чернышевский, Н. Г. Полное собрание сочинений: в 15 т. Т. 3 / Н. Г. Чернышевский. – Москва: ОГИЗ ГИХЛ, 1947. – 884 с.

REFERENCES

1. Anonim. S Nevskogo berega. Obshchestvennye i literaturnye zametki i razmyshleniya / D. D. Minaev // Delo. – 1868. – № 4. – S. 196–219.

2. Ahsharumov, N. D. «Vojna i mir». Sochinenie gr. L. Tolstogo. 1–4 chasti / N. D. Ahsharumov // Roman L. N. Tolstogo «Vojna i mir» v russkoj kritike. – Leningrad: Izd-vo LGU, 1989. – S. 86–115.

3. Chernyshevskij, N. G. Polnoe sobranie sochinenij: v 15 t. Т. 3 / N. G. Chernyshevskij. – Moskva: OGIZ GIHL, 1947. – 884 s.

4. Dmitriev V. D. Novikova / V. D. Dmitriev, O. E. Majorova // Russkie pisateli. 1800–1917: Biograf. slovar?. Т. 4. – Moskva: Bol'shaya Ros. enciklopediya, 1999. – S. 342–344.

5. **Krestovskij, V.** Sobranie sochinenij: v 5 t. / N. D. Hvoshchinskaya. T. 5. – Sankt-Peterburg: Izd. A. S. Suvorina, 1892. – 452 s.
6. **Kuratov, Nikolaj.** Literaturno-semejnoe ob"yasnenie. Pis'mo kandidata Kuratova k sestre / N. D. Hvoshchinskaya // Russkie vedomosti. – 1880. – № 55. – S. 3.
7. **Literaturnoe nasledstvo.** T. 94. Pervaya zavershennaya redakciya romana «Vojna i mir». – Moskva: Nauka. 1983 – 792 s.
8. **Merezhkovskij, D.** Tolstoj i Dostoevskij. Vechnye sputniki / D. Merezhkovskij. – Moskva: Izd-vo «Respublika», 1995. – 624 s.
9. **N.** Memuary odnogo chitatelya. II // Russkie vedomosti. – 1880. – № 161. – S. 1–2.
10. **Pis'ma Tolstogo i k Tolstomu.** YUbilejnyj sbornik. – Moskva; Leningrad: GIHL, 1928. – 336 s.
11. **Saltykov-SHCHeHrin, M. E.** Sobranie sochinenij: v 20 t. T. 6 / M. E. Saltykov-SHCHeHrin. – Moskva: Hudozhestvennaja literatura, 1968. – 740 s.
12. **Sobolev, L.** Sovremenniki chitayut «Vojnu i mir» / L. Sobolev // Voprosy literatury. – 2007. – № 6. – S. 179–224.
13. **Tolstoj, L. N.** Polnoe sobranie sochinenij: v 90 t. YUb. izd. T. 11 / L. N. Tolstoj. – Moskva: GIHL 1940. – 469 s.
14. **Tolstoj, L. N.** Polnoe sobranie sochinenij: v 90 t. YUb. izd. T. 12 / L. N. Tolstoj. – Moskva: GIHL, 1940. – 427 s.
15. **Tolstoj, L. N.** Polnoe sobranie sochinenij: v 90 t. YUb. izd. T. 16 / L. N. Tolstoj. – Moskva: GIHL, 1955. – 259 s.
16. **Tolstoj, L. N.** Polnoe sobranie sochinenij: v 90 t. YUb. izd. T. 47 / L. N. Tolstoj. – Moskva: GIHL, 1937. – 621 s.
17. **V. K.** Literaturnye besedy. III / N. D. Hvoshchinskaya // Russkie vedomosti. – 1878. – № 158. – S. 2.
18. **«Vojna i Mir».** Sochinenie grafa L. N. Tolstogo. Tom chetvertyj. – Moskva: Tip. A. I. Mamontova, 1868. – 338 s.
19. **«Vojna i Mir».** Sochinenie grafa L. N. Tolstogo. Tom chetvertyj. Izdanie vtoroje. – Moskva: Tip. T. Ris, 1868. – 338 s.
20. **Zajdenshnur, E. YE.** «Vojna i mir» L. N. Tolstogo. Sozdanie velikoj knigi / E.YE. Zajdenshnur. – Moskva: Kniga, 1966. – 404 s.